

Пообедали — это уже можно считать официальным установлением дипломатических отношений. Однако за всё время Цинь Фан так и не обмолвился о Чжоу Сымине. Упомянуть его не хотелось, до того неприятен был этот тип, просто до тошноты. Такое чувство, что если заговорить о нём, то и с Син Янем никакой дружбы не выйдет. Пусть лучше будет так, будто они познакомились вовсе не из-за истории с Чжоу Сымином.

Вернувшись после еды, Цинь Фан застал в своей комнате Хуа Туна, который увлечённо рубился в игры. Цинь Фан толкнул дверь, вошёл, увидел его, оглядел другие столы и проговорил:

— Я уж подумал, что перепутал комнаты и зашёл к тебе.

— Я пришёл заложника брать, — отозвался Хуа Тун, не оборачиваясь.

— Кого брать? — В комнате был ещё Чэнь Кэ, а Шэнь Дэнке ушёл в библиотеку и ещё не вернулся. Цинь Фан присел на стул Шэнь Дэнке. — Кэ? У вас что, какие-то нездоровые отношения?

— Отвали, — отрезал Хуа Тун. — Я пришёл за тобой.

— За мной? — усмехнулся Цинь Фан. — Ещё чего, ты меня всё равно не поборешь.

— Мне плевать, — Хуа Тун захлопнул ноутбук и развернулся. — В общем, сегодня ночуешь у меня.

— С чего бы это?

— У нас за домом в жилом квартале устроили похороны: дудят, барабанят, — Хуа Тун скривился, вид у него был крайне измученный. — От этого шума меня аж трясёт.

Чэнь Кэ вставил:

— Так поспи здесь, в чём проблема? Я тебе сейчас свободную койку расчищу.

В комнате Цинь Фана было четыре кровати, но одна всё время пустовала, они использовали её как склад. Вещей на ней скопилось немало, убирать — дело муторное, да и постельного белья нет. Хуа Тун отказался:

— Не надо, проще, если Цинь Фан со мной пойдёт.

Цинь Фан подшутил над ним:

— Слишком ты пугливый, Тун-гэ. Не вяжется это с твоим героическим образом.

— Да какой там героизм... Я сейчас тише воды, ниже травы, — Хуа Тун выудил со стола Цинь Фана леденец для горла и закинул в рот. — От страха аж жар поднялся, горло болит.

Чэнь Кэ не удержался от смеха:

— Ну ты даёшь, Тун.

— Ещё и смеются, — вздохнул Хуа Тун. — Мои страдания для вас — сплошное развлечение.

Смех смехом, но оставить Хуа Туна одного трястись от страха в общежитии Цинь Фан не мог. Он взял принадлежности для умывания, сменную одежду и отправился вслед за ним. У Хуа Туна и его соседей два дня не было пар, а потом начинались каникулы, так что Цинь Фану предстояло провести у него четыре ночи.

Цинь Фан, привыкший к комфорту элитного Института международных обменов, опустился до уровня «трущоб» мужского общежития, где не было ни кондиционера, ни горячей воды. В душевой одиноко торчала труба, из которой текла ледяная струя. Вечером, приняв холодный душ, Цинь Фан вышел в комнату, вытирая волосы:

— Не могу взять в толк: если нет горячей воды, зачем вообще ставить душевую лейку?

— Я поначалу тоже не понимал, — ответил Хуа Тун. — Но если бы не эта труба, ты бы вообще с ума сошёл — даже обмыться было бы нечем. В Южном дворе пацаны вообще в коридорах тазами воду из туалета таскают и на себя выливают.

У Цинь Фана от этих слов перехватило дыхание:

— Даже если бы ты меня побил, я бы всё равно к тебе не поехал.

— Не побил бы, брат Фан слишком ценит дружбу, не бросил бы меня, — Хуа Тун заискивающе улыбнулся. — Брат Фан меня прикроет.

Цинь Фан и правда не мог его бросить. Видимо, пришлось бы везти Хуа Туна в отель. В такую жару остаться без душа перед сном — это самоубийство.

— Ложись на мою кровать, брат Фан, я свежее бельё постелил, а я на кровать соседа лягу, — предложил Хуа Тун.

— Угу. — В душевой комнате без кондиционера Цинь Фан лежал не шелохнувшись, боясь лишний раз повернуться, чтобы не вспотеть. Хуа Тун направил на него маленький вентилятор. Цинь Фан лежал в одних шортах — поза человека, чья судьба была уже predetermined.

Перед сном Цинь Фан вытащил телефон и выложил пост в ленту «Моментов»: «Братья из Западного двора, вы настоящие герои».

Он также сфотографировал розовый мини-вентилятор, прикреплённый к железной стойке кровати.

Хуа Тун увидел пост, лёжа на кровати соседа, и рассмеялся:

— Почувствуй всю тяжесть бытия, господин. В университетах везде так. Это у вас плата за обучение бешеная, десятки тысяч в год, вот и странно, что вам кондиционеры не поставили, да?

Цинь Фан ответил:

— Цени мои чувства к тебе, «Лучший брат года», покоровший Китай.

— Оценил, — улыбнулся Хуа Тун.

Цинь Фан лениво пролистал Weibo, затем глянул уведомления в ленте. Среди бесконечных комментариев и «лайков» он вдруг увидел «чёрный большой мотоцикл».

Син Янь поставил ему «лайк».

Цинь Фан с усмешкой приподнял бровь: ну вот, а говорили, что нелюдимый. Крутой парень, однако.

По плану на этой неделе Цинь Фан должен был поехать домой, иначе Цзянь Муян снова устроил бы сцену. Но Хуа Тун не собирался ехать к себе — родители уехали в командировку, дома всё равно никого, смысла дёргаться нет. В итоге Цинь Фан прихватил Хуа Туна с собой в семью Цзянь.

Хуа Тун поначалу не хотел ехать, но Цинь Фан настоял:

— Поехали со мной. Ты будешь рядом, и мне будет проще — не придётся вести неловкие светские беседы.

— Ну ладно, поехали, — согласился Хуа Тун. — Я ведь там уже бывал.

И он не просто бывал — он часто навещался туда раньше. Они с Цинь Фаном знали друг друга с детства. Когда Цинь Фан грустил или на него находило ребяческое настроение, он звал друзей к себе — дом-то у них огромный. Приятели тогда ужасно завидовали Цинь Фану: дом большой, игрушек море, и пусть есть мачеха, зато какая она мягкая и добрая.

Повзрослев, Цинь Фан перестал часто хандрить, но Хуа Тун всё равно иногда заглядывал, так что со всеми домочадцами был знаком.

Хуа Тун купил Цзянь Муяну коробочку пирожных, и мальчишка при виде их пришёл в восторг — с криком «А-а!» он слетел по лестнице вниз. Цинь Фан поймал его и взъерошил волосы:

— Упадёшь ведь.

— Брат! Тун-гэ! Почему вы не сказали, что приедете! — У Цзянь Муяна сегодня был выходной, на дополнительные занятия он не пошёл и как раз собирал пазл, но, услышав голоса, бросил всё и прибежал.

— Хотели сюрприз сделать, — Хуа Тун щёлкнул его по лбу. — Видишь, как ты радуешься.

Хоть Цзянь Муян и обрадовался, он всё же поднял взгляд на Цинь Фана:

— Брат, в следующий раз предупреждай, а то вдруг я бы ушёл куда-нибудь или на занятиях был.

— Ну, подождали бы, пока ты вернёшься, какие проблемы? — Цинь Фан похлопал его по плечу.
— Дурачок.

— Вы вернулись? — раздался голос сверху.

Цинь Фан поднял голову:

— Тётушка Инь.

Хуа Тун следом поздоровался.

— Прилегла отдохнуть и незаметно уснула, — Дун Инь, придерживаясь за перила, спустилась вниз. — Хуа Тун, сто лет тебя не было.

— Осторожнее на лестнице, — Цинь Фан протянул руку, страхуя, но не касаясь её плеча. — Медленнее.

Дун Инь мягко улыбнулась:

— Всё хорошо, беременность — это не болезнь, я не настолько хрупкая.

Хуа Тун подхватил:

— Осторожность никогда не помешает.

В присутствии Хуа Туна необходимость в долгих беседах отпала. Им было достаточно посидеть в комнате Цинь Фана или поиграть с Цзянь Муяном в игровой. Впрочем, Цзянь Муян подрос и игрушки его больше не интересовали, он предпочитал просто сидеть, поджав ноги, на кровати брата. Однако из-за приезда Хуа Туна Цзянь Муяну пришлось смириться с тем, что сегодня он не заночует у брата, и перед сном с явным сожалением он поплёлся в свою спальню.

— Твой брат такой послушный, — зевнул Хуа Тун. — Я в его возрасте отрывался по полной.

— Он тоже хулиганит, — Цинь Фан полез в ящик за зубной щёткой. — Это он со мной такой паинька.

— Почему он так к тебе тянется? — спросил Хуа Тун.

Цинь Фан покачал головой:

— Понятия не имею. Наверное, младшие братья всегда смотрят на старших с особым трепетом и привязанностью. Я и сам в детстве мечтал о старшем брате. Он довольно чуткий, боится меня утомить, поэтому, когда мы вместе, ведёт себя максимально прилично.

— Это всё потому, что ты к нему хорошо относишься, — Хуа Тун посмотрел на Цинь Фана. — Знаешь, а ведь ты, брат Фан, в душе очень отзывчивый человек.

Цинь Фан усмехнулся:

— Ты же говорил, что я подонок.

— Ты отзывчивый. Будь у меня старший брат, он бы, наверное, до нервного срыва меня доводил. В семьях, где два брата, младшие обычно не испытывают к старшим ничего, кроме отчаяния.

Цинь Фан бросил ему новую зубную щётку:

— У тебя явно проблемы с определением того, что значит быть «отзывчивым».

Темперамент у Цинь Фана был не сахар, хотя за последние пару лет он стал спокойнее. В старших классах он вечно ввязывался в драки и чуть было не стал школьным задирой. «Отзывчивый парень» — это к нему как-то совсем не клеилось. Цинь Фан самоиронично усмехнулся: в конце концов, девушки у него нет, так что быть или не быть «отзывчивым» — не так уж важно.

Пробыв в доме одну ночь, на следующий день они с Хуа Туном вернулись в университет. Иронично, но Цинь Фан предпочел бы спать в общежитии Хуа Туна, обдуваясь маленьким вентилятором и поливаясь холодной водой, чем оставаться на два дня дольше в уютном

коттедже.

Впрочем, эти каникулы не были скучными. Праздник Дуанью — отличный повод встретиться, и друзья, учившиеся в соседних провинциях, как раз вернулись. Эти дни они зря не теряли, постоянно пропадая на встречах с приятелями.

<http://bllate.org/book/18141/1744597>